

Е. В. Рахилина¹, А. К. Казкенова²

*¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук
(Россия, Москва)
rakhilina@gmail.com*

*²Евразийский технологический университет
(Казахстан, Алматы)
aimgul.kazkenova@mail.ru*

МАРКИРОВАНИЕ ИТЕРАТИВА В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА*

В статье рассматривается выражение итеративного значения (значения регулярного повторения ситуации) — в русских письменных текстах носителей казахского языка. В качестве исходных данных выступает казахский подкорпус Русского учебного корпуса, а также результаты специально проведенного опроса носителей.

В ходе исследования система, выявляемая в реальных текстах Учебного корпуса, сравнивается с доминантной казахской и русской системами, на которые сознательно или бессознательно ориентируются авторы текстов. Репрезентациями языковых стандартов для этих систем мы признаем Алматинский корпус казахского языка и Национальный корпус русского языка.

В обеих стандартных системах повтор ситуации может выражаться и глагольной формой (например, НСВ в русском или бивербальными конструкциями в казахском), и находящимся в той же конструкции обстоятельственным показателем: наречием, деепричастием, временным придаточным. Однако в каждом языке имеются свои возможности избежать такого дублирования.

В речи билингов преодолеваются ограничения, действующие в стандартных системах, и вырабатываются новые принципы оформления итеративного значения. В ряду факторов, которые влияют на образование промежуточной системы (представленной, как мы покажем, в русской речи носителей казахского языка),

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах»).

Авторы статьи выражают искреннюю признательность рецензенту и Н. М. Стойновой за замечания и полезные рекомендации.

оказывается как интерференция, так и упрощение билингвами действующих правил, в том числе в точках потенциального варьирования.

Поэтому косвенным результатом исследования можно считать прояснение сложных фрагментов самой системы русского языка и выявление точек ее нестабильности.

Ключевые слова: итератив, интерференция, казахский язык, русский язык, билингвизм, Русский учебный корпус

0. Вводные замечания

Итеративом (итеративной множественностью, многократностью) называют такой тип глагольной множественности, который связан с регулярно повторяющейся ситуацией [Dressler 1968: 62–65; Cusic 1981; Dahl 1985: 97; Храковский 1989: 41–50; Долинина 1996: 232–237; Плунгян 2003: 295; Wood 2007; Падучева 2010: 26–28; Mattioli 2017; 2018] и др. Как известно, в разных языках существуют (и сосуществуют) разнообразные средства обозначения повторяющейся ситуации: словообразовательные, лексические, грамматические [ТИК 1989; Шлуинский 2005: 2006; Cabredo Hofberg & Laca 2012]. Соответственно, в них могут использоваться разные стратегии выражения итеративного значения: в частности, оно может выражаться глагольной формой, обстоятельственным показателем (наречием, сентенциальным обстоятельством — деепричастием или деепричастным оборотом, зависимой клаузой сложного предложения) либо комплексно — сочетанием глагола и обстоятельства¹.

В нашей статье выражение итеративного значения рассматривается на примере весьма подвижной и, по своей сути, промежуточной системе, которая представлена в русских текстах, написанных носителями доминантного казахского языка. Используемый в работе «нестандартный» материал Русского учебного корпуса (а именно тексты носителей эритажного русского языка) и раньше служил ключом для описания глагольной множественности, но особого и крайне нетривиального типа — связанного с чередованием ситуаций: *то дождь, то снег; сегодня кухарка, а завтра управляет государством* и под. [Ладыгина, Рахилина 2016].

Наше исследование нацелено на выявление стратегий оформления повторяющихся ситуаций, которые используют в своей русской речи казахско-русские билингвы. Нам интересна степень зависимости этих стратегий от двух стандартных систем: первой, исходной, от которой автор текста отталкивается, — системы родного (казахского) языка и второй, к которой автор текста стремится, — системы русского языка.

Репрезентацией системы казахского языка (Системы 1) и источником казахского иллюстративного материала для нас является Алматинский корпус казахского языка [АСКЛ]. Ориентиром для стандарта русского языка (Системы 2) нам служит Национальный корпус русского языка [НКРЯ].

---

¹ В число специализированных глагольных показателей итеративного значения мы ниже включаем не только показатели, у которых это значение является единственным или основным, но и широкие имперфективные показатели, т. е. такие, которые в том числе могут выражать значение итератива (ср. русский НСВ или переходное настоящее (будущее) время в казахском языке).

Промежуточная система, или Система 3, проявляющая себя в русской речи казахских билингвов, изучается на основе двух типов данных.

Во-первых, это данные Русского учебного корпуса [RLC], созданного в Лаборатории по корпусным технологиям НИУ ВШЭ, см. [Выренкова, Полинская, Рахилина 2014; Рахилина 2014; Рахилина, Казкенова 2018] и др. В корпусе размещены и размечены письменные и устные тексты нестандартных говорящих на русском языке, изучающих русский язык как иностранный / неродной или владеющих им как эритажным языком. В настоящее время в корпусе представлены тексты носителей 15 доминантных языков.

Объем казахского подкорпуса составляет более 100 тыс. словоупотреблений, его размеченная часть — около 70 тыс. словоупотреблений. Состав подкорпуса постоянно пополняется новыми текстами.

Во-вторых, это результаты специально проведенного опроса носителей, которыми были дополнены корпусные данные. В нем приняли участие 60 информантов — казахско-русских билингвов.

Статья состоит из 6 разделов. В первом и втором разделах рассказывается о способах выражения итератива в казахском и русском языках. В третьем разделе оценивается степень отклонения русской речи билингвов от этих двух систем с привлечением статистики корпусных и опросных данных. В четвертом разделе дается качественная характеристика той системы, которая складывается на материале текстов билингвов. Наконец, в пятом разделе с привлечением данных RLC обсуждается вариативность системы русского языка в зоне итеративности. В Заключении подводятся основные итоги исследования.

1. Выражение итератива: Система 1 (казахский язык)

В тюркских языках, в частности в казахском, для обозначения повторяющихся ситуаций имеется целая система разноуровневых средств [Исхакова, Насилов, Рассадин 1989; Жолшаева 2016]. В предложении итератив выражается чаще всего комплексно — с помощью глагола и обстоятельства, см. например, [Johanson 1971: 243–246; Исхакова, Насилов, Рассадин 1989: 111].

К основным глагольным маркерам, выражающим повторяющееся действие в Системе 1, относятся следующие:

- глагольные суффиксы *-қыла* / *-кіле* / *-ғыла* / *-гіле* и *-ынқара* / *-інкіре*, ср. (1):

(1) *Мен өгіз-ді соқ-қыла-ды-м.*
я бык-ACC ударить-ITER-PST-1SG
'Я (много раз) ударил быка'.

- аффиксы переходного настоящего (будущего) времени *-а-*, *-й-*, *-е⁻²-*:

---

² Разграничение значений настоящего / будущего времени происходит за счет контекста, причем немаловажную роль в этом разграничении играет семантика обстоятельств [Маманов 1949: 74; ҚГ 2002: 519]. При выражении значения настоящего времени эта форма лишена семантики прогрессива, ср. [КЯ].

- (2) *Мемлекет бол-ған соң кейде күшей-е-ді,*
государство быть-PTCP после иногда укрепляться-PRS-3
шарықта-й-ды, кейде әлсіре-й-ді. (Айкын 2013)
возноситься-PRS-3 иногда слабеет-PRS-3
‘Поскольку есть государство, оно иногда укрепляется и возносится, иногда слабеет’.

• показатели повторяющегося прошедшего времени (часто по аналогии с формой переходного настоящего (будущего) оно тоже называется «переходным»)³. Эта глагольная форма имеет две разновидности: аффиксальную — с аффиксами *-атын/-етін* и *-йтын/-йтін*⁴ и аналитическую, в которой первый компонент оканчивается на *-ушы/-уши*, а вторым компонентом является вспомогательный глагол *еді* [Жолшаева 2016: 141–144], ср. (3)–(4):

- (3) *1985–1988 жыл-дар-ы бастауыш клас-та оқ-ып*
1985–1988 год-PL-3.POSS начальный класс-LOC учиться-CVB
жүр-ген-де біздің ауыл-да-ғы үй-ге
ходить-PTCP-LOC наш село-LOC-ADJ дом-DAT
газет-журнал-дар көп кел-етін. (Егемен Қазақстан 2013)
газета журнал-PL много приходит-PTC.HAB(3)
‘Когда в 1985–1988 годах я учился в начальных классах, в наш сельский дом приходило много газет и журналов’.

- (4) *Бұрын «апа» де-уші еді, бұл жол-ы әдейі*
раньше апа говорить-PTC.HAB AUX(3) этот путь-3.POSS намеренно
жатсыра-т-ып «апай» де-п тұр.
чуждаться-CAUS-CVB апай говорить-CVB стоит
(Ұлпан Ғ. Мүсірепов1974)
‘Раньше он говорил «апа», в этот раз, намеренно отдаляясь, говорит «апай»⁵.

• аналитические бивербальные конструкции, состоящие либо из деепричастий (в том числе редуцированных форм) на *-n / -ып / -ін* и вспомогательных глаголов *тұру* (‘стоять’), *жүру* (‘ходить’), *отыру* (‘сидеть’), *жату* (‘лежать’), либо из деепричастий на *-а / -е / -й* и вспомогательного глагола *беру* (‘давать’) и др. Списки и описание таких конструкций — в [Маманов 1949; Оралбаева 1979: 137, 171–173; Ахметжанова 2005: 154–156; Жолшаева 2016: 146–147; Гращенков 2015: 63–64; КЯ] и др. Ср. пример (5):

³ Данная форма прошедшего времени может обозначать не только повторяющееся (привычное), но и длительное действие, совершавшееся в прошлом [КЯ].

⁴ В казахском языке формы с этими суффиксами также могут выступать в качестве причастий настоящего времени.

⁵ Ср. перевод А. Белянинова: «На этот раз он не назвал ее *ана*, как мать, как старшую сестру. Он сказал — *апай*, как можно обратиться к любой посторонней женщине» (<https://litres.ru/chitat/ru/%D0%9C/musrepov-gabit-mahmudovich/ulpan-ee-inya/24>).

- (5) *Көришлес Ресей-дің Саратов облысы-ында-ғы*
 соседний Россия-GEN Саратов область-3.POSS-LOC-ADJ
жарыс-қа бала-лар-ым-ды апар-ып
 соревнование-DAT ребенок-PL-1.POSS-ACC отводить-CVB
жүр-ді-м. (Егемен Қазақстан 2013)
 ходить-PST-1SG
 ‘Я в Саратовскую область соседней России на соревнования своих детей
 возил’.

Как мы уже говорили, наречия (такие как *эрқашан* ‘всегда’, *кейде* ‘иногда’, *жиі* ‘часто’, *анда-санда* ‘изредка’ и т. д.) тоже участвуют в выражении итератива (см. также [Исхакова, Насилов, Рассадин 1989: 111]), ср. пример (2).

Функцию сентенциальных обстоятельств в составе предложения могут выполнять деепричастия на *-а-, -й-, -е-*, выражающие незавершенность действия (6), и придаточные времени с послелогом *сайын* (‘каждый раз’) (7):

- (6) *Сәлима өксігі-і-н тоқта-т-а*
 салима всхлипывание-3.POSS-ACC остановить-CAUS-CVB
ал-ма-й, қайта-қайта жыла-й
 брать-NEG-CVB снова-снова плакать-CVB
бер-ді. (Ә. Нұршайықов 1922–2011)
 давать-PST(3)
 ‘Салима не могла остановить всхлипывания, снова и снова плакала’.
- (7) *Аяғ-ың-ды бас-қан сайын ат-тан*
 нога-2SG.POSS-ACC наступать-PTCP каждый.раз лошадь-ABL
құла-п жат-қан адам дене-лер-і
 упасть-CVB лежать-PTCP человек тело-PL-3.POSS
көр-ін-е-ді. (І. Есенберлин. Көшпенділер. 2: Жанталас1973)
 видеть-REFL-PRS-3
 ‘Каждый раз, когда ступаешь ногами, виднеются тела упавших с лошадей
 людей’.

При всей значимости обстоятельств, очевидно, что глагольным средствам выражения итератива в Системе 1 принадлежит ведущая роль. Без их участия это значение не выражается (ср. аграмматичность примеров (8) с итеративным обстоятельством, но без специального глагольного маркера), тогда как обстоятельственные маркеры являются факультативными (ср. пример (9), в котором итеративное обстоятельство отсутствует):

- (8а) **Ол дос-тар-ы-мен жиі кездес-ті.*
 он друг-PL-3.POSS-COM часто встречаться-PST(3)
 ‘Он с друзьями часто встречался’.
- (8б) **Мен күнде көрші-мен амандас-ты-м.*
 я каждый.день сосед-COM здороваться-PST-1SG
 ‘Я каждый день здоровался с соседом’.

- (8в) **Бала-лар әдетте аула-да ойна-ды.*
 ребенок-PL обычно двор-LOC играть-PST(3)
 ‘Дети обычно играли во дворе’.
- (9) *Солтүстік-те жауын-шашын жаз-да жау-а-ды, оңтүстік-те*
 север-LOC осадки лето-LOC выпадать-PRS-3 юг-LOC
жаңбыр әдетте көктем мен күз-де
 дождь обычно весна и осень-LOC
бол-а-ды. (Ә. Нұршайықов 1922–2011)
 быть-PRS-3
 ‘На севере осадки летом выпадают, на юге обычно дожди весной и осенью
 бывают’⁶.

Возможности и ограничения выражения итеративного значения в Системе 1 с помощью глагольных и обстоятельственных маркеров обобщает таблица 1:

Таблица 1

Типы итеративных обстоятельств	Дублирование: итеративное обстоятельство + глагольный показатель итератива	Однократное выражение итератива:	
		итеративное обстоятельство	глагольный показатель итератива
Наречие	+	–	+
Деепричастие	+	–	+
Придаточное времени	+	–	+

2. Выражение итератива: Система 2 (русский язык монолигвов)

В стандартном русском (Система 2) наиболее распространенной является стратегия дублирования маркеров итератива (совмещения обстоятельственного показателя и глагола НСВ в неограниченно-кратном значении), ср. (10), однако итератив может выражаться как одним только обстоятельством при глаголе СВ (11)⁷, так и одной только глагольной формой, не сопровождающейся собственно итеративным обстоятельством (12)⁸:

- (10) *Для «современных» чёрных дыр часто используют термин «коллапсирующие», или «застывшие», объекты.* [А. М. Черепашук. Поиски чёрных дыр (2004)]
- (11) *Вас редко увидишь на презентациях и светских раутах.* [«Автопилот» (2002)]

⁶ Слова *жазда* ‘летом’, *көктемде* ‘весной’, *күзде* ‘осенью’ являются наречиями времени, но в итеративном контексте приобретают значение цикличности. Аналогичные случаи для русского языка рассматриваются в разделах 2 и 5.

⁷ Возможность выражения итератива только глаголом СВ в наглядно-примерном значении без обстоятельственного сопровождения допускается, но не является предметом рассмотрения в этой статье.

⁸ Понятно, что две последние возможности в русском языке значительно сужены рядом частных ограничений, см. подробнее раздел 5.

- (12) Утром **предлагают** сытные и вкусные завтраки — омлет, круассаны, блины с джемом, сэндвичи. [«Соач» (2008)]

Исследователи отмечают особую экспрессивность использования глаголов СВ в итеративном контексте [РГ 1980: 607; Князев 1989: 140]. С их помощью создается, по выражению А. В. Бондарко, «фикция конкретности», когда повторяемость всей ситуации в целом выражается при сохранении «образной конкретности каждого отдельного действия» [Бондарко 1971: 219].

Итак, для сочетаний лексических обстоятельств и глаголов допускаются все три возможности: дублирование маркеров, выражение итератива только обстоятельством или только глаголом.

Использование сентенциальных обстоятельств следует особым правилам. Так, допускается деепричастие СВ при условии НСВ главного предиката:

- (13) Я, **пожав** плечами, **уходила** на кухню, **начала заниматься** своими делами, потом **спохватывалась**, **шла** к нему... [«Даша» (2004)]

Как отмечает М. А. Шелякин, употребление деепричастий совершенного вида в итеративных контекстах возможно, если они выражают результативное или предельно-временное значения [Шелякин 2001: 144].

Похожая ситуация наблюдается в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени: зависимый предикат может быть выражен глаголом СВ, но главный будет обязательно НСВ⁹:

- (14) Когда вот я про этих Веревкиных **вспомню**, чудно мне **делается** (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы), пример из [Бондарко 1971: 198–199].

Возможности комбинирования глагольных и обстоятельственных показателей итератива в Системе 2, при запрете на выражение итеративного значения только сентенциальными обстоятельствами, отражает следующая таблица:

Таблица 2

Типы итеративных обстоятельств	Дублирование: итеративное обстоятельство + глагольный показатель итератива	Однократное выражение итератива:	
		итеративное обстоятельство	глагольный показатель итератива
Наречие	+	+	+
Деепричастие	+	–	+
Придаточное времени	+	–	+

⁹ По-видимому, в современном русском языке уже потеряло актуальность использование глагола СВ в качестве главного предиката сложного предложения с его одновременной «нейтрализацией» лексическими средствами, как в (15):

- (15) Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что **всегда расчихаешься**, когда войдешь. [Н. В. Гоголь. Ревизор (1836)]. Об особенностях таких употреблений см. [Акимова, Козинцева 1987: 289].

3. Система 3 (русская речь билингвов) в зеркале корпусных и опросных данных

Как видим, обе стандартные системы имеют ограничения, связанные с возможностями выражения повторяющейся ситуации только обстоятельственными средствами: для русского языка эта возможность представлена лишь использованием наречий, для казахского языка такая возможность полностью исключается.

Анализ материала казахского подкорпуса показывает, что Система 3, отражающая русскую речь казахских билингвов, преодолевает ограничения, существующие в обеих стандартных системах. В ней нет исключений — и в этом ее нестандартность: заполненными оказываются все грамматические «клетки»:

Таблица 3

Типы итеративных обстоятельств	Дублирование: итеративное обстоятельство + глагольный показатель итератива (глагол НСВ)	Однократное выражение итератива:	
		итеративное обстоятельство (глагол СВ)	глагольный показатель итератива (глагол НСВ)
Наречие	<i>Конечно же я всегда при-слушиваюсь к советам бабушки...</i>	<i>У нее доброе сердце, она всегда поддержит и даст совет.</i>	<i>Вечером она рассказывала разные сказки, древние истории и легенды.</i>
Деепричастие	<i>Смотря на ее морщинки я вижу все трудности которые она пережила.</i>	<i>[Я расскажу про мой обычный день...] Я сяду (=каждый раз сажусь) автобус слушая музыку.</i>	<i>Опоздав на урок, всегда писали объяснительную.</i>
Придаточное времени	<i>Когда мы к ним приезжаем: бабушка готовит бешбармак, дедушка играет во дворе с маленькими внуками.</i>	<i>Когда из нашей семьи кто-то выходит замуж, то бабушка возьмет на себя эти обязанности.</i>	<i>Когда у нас возникнет проблемы с учебной, я начинаю переживать...</i>

В следующем разделе статьи мы рассмотрим качественные характеристики этой системы, но сначала оценим количественно, в какой степени она отклоняется от стандартного русского, то есть Системы 2.

Для этого мы сопоставили данные RLC, фиксирующего «отклонения» от нормы, и данные Национального корпуса русского языка, играющего для нас роль «стандарта». В частности, сопоставили отобранные по интересующим нас параметрам высказывания из RLC с аналогичными по количеству высказываниями из НКРЯ (например, если в казахском корпусе RLC было найдено 29 примеров, содержащих наречие *часто*, то в НКРЯ тоже отбиралось 29 предложений с этим словом — в случайной выборке за период с 2000 по 2016 г.). Результаты сопоставления отражены в таблице 4.

Для уточнения корпусных данных был проведен опрос носителей, также ставший важным источником сведений о Системе 3.

Опрос был проведен в ноябре 2018 года в Казахском национальном педагогическом университете имени Абая (г. Алматы). Он проводился в письменной форме в два

Таблица 4

Типы итеративных обстоятельств	Дублирование: итеративное обстоятельство + глагольный показатель итератива (глагол НСВ)	Однократное выражение итератива:		Итого
		итеративное обстоятельство (глагол СВ)	глагольный показатель итератива (глагол НСВ)	
Наречия				
<i>всегда / иногда / редко / часто</i>	RLC: 350 — 92,6% НКРЯ: 363 — 96%	RLC: 28 — 7,4% НКРЯ: 15 — 4%		378 — 100%
<i>вечером / днем / ночью / утром</i>			RLC: 25 — 80,6% НКРЯ: 15 — 48,4% ¹⁰	31 — 100%
Деепричастие	RLC: 43 — 75,4% НКРЯ: 48 — 84,2%	RLC: 3 — 5,3% НКРЯ: 0	RLC: 11 — 19,3% НКРЯ: 9 — 15,8%	57 — 100%
Придаточное времени	RLC: 124 — 82,7% НКРЯ: 143 — 95,3%	RLC: 15 — 10% НКРЯ: 0	RLC: 11 — 7,3% НКРЯ: 7 — 4,7%	150 — 100%

этапа, на каждом этапе в нем участвовало по 30 студентов разных курсов (в общей сложности 60 человек). Все участники опроса являются выпускниками школ с казахским языком обучения, т. е. так же, как и для авторов корпусных текстов, доминантным языком для них с полной уверенностью можно признать казахский язык.

Суть исследования заключалась в том, чтобы проследить, как осуществляется выбор средств выражения итеративного значения. Слова и формы, предложенные информантам на выбор, были заключены в скобки.

Участники 1-ого этапа опроса выбирали формы глаголов НСВ или СВ в контекстах с наречиями *всегда / иногда / редко / часто* и в сложных предложениях (или в главной, или в зависимой клаузах), как в следующих примерах:

- *Я часто (поменяю / меняю) планы в последнюю минуту.*
- *Каждый раз, когда она приезжала в Москву, мы с ней (встретились / встретались).*
- *Когда я об этом (подумал / думал), у меня портилось настроение.*

Участники 2-ого этапа должны были выбрать либо деепричастия, либо глаголы основного действия, различающиеся по виду, и в других контекстах, имеющих в своем составе глаголы НСВ, — наречия типа *утром / по утрам*. Например:

¹⁰ Контексты для наречий 2-ой группы (*вечером / днем / ночью / утром*) отбирались с учетом общей семантики высказываний: из числа высказываний с обязательным использованием глаголов НСВ выделялись те, в которых речь шла о повторяющихся ситуациях (для этого часто требовалось расширение контекста).

Группа наречий *вечером / днем / ночью / утром* характеризуется особенно сильными колебаниями: от 48,4% в НКРЯ до 80,6% в RLC. Отчасти это расхождение объясняется тем, что в текстах билингов эти наречия в 4 случаях (из 5 для слова *днем* и 7 для слова *ночью*) использовались в составе устойчивых парных сочетаний *днем и ночью / ни днем, ни ночью*, предполагающих повтор действий или ситуаций.

- Если, (увлекаясь / увлѣкишись), он задерживался на прогулке дольше обычного, приходилось расплачиваться слабостью и одышкой.
- Обращаясь к Ане, Варя всегда внимательно (оглядела / оглядывала) ее.
- На почту за газетой ходим (по утрам / утром) — сила привычки.

Большая часть предложений для опроса была взята из НКРЯ, в некоторых случаях они подверглись незначительному упрощению. Таким образом, роль «стандарта» за НКРЯ сохранялась и в условиях эксперимента.

Данные двух этапов опроса представлены в таблицах 5 и 6:

Таблица 5

Типы итеративных обстоятельств	Дублирование: итеративное обстоятельство + глагольный показатель итератива (глагол НСВ)	Однократное выражение итератива:		Без помет	Итого
		итеративное обстоятельство (глагол СВ)	глагольный показатель итератива (глагол НСВ)		
<i>всегда / иногда / редко / часто</i>	102 — 85%	17 — 14,2%	0	1 — 0,8%	120 — 100%
Выбор глагола в главной клаузе сложного предложения	42 — 70%	17 — 28,3%	0	1 — 1,7%	60 — 100%
Выбор глагола в зависимой клаузе сложного предложения	56 — 62,2%	0	29 — 32,2%	5 — 5,6%	90 — 100%

Таблица 6

Типы итеративных обстоятельств	Дублирование: итеративное обстоятельство + глагольный показатель итератива (глагол НСВ)	Однократное выражение итератива:		Без помет	Итого
		итеративное обстоятельство (глагол СВ)	глагольный показатель итератива (глагол НСВ)		
<i>вечером / ночью / утром</i>	0	0	69 — 46%	6 — 4%	150 — 100%
<i>по утрам / по вечерам / ночами</i>	75–50%	0	0		
Выбор глагола основного действия	50–83,3%	10–16,7%	0	0	60–100%
Выбор деепричастия	21–35%	0	39–65%	0	60–100%

Для статистического анализа данных опроса использовалась логистическая регрессия со смешанными эффектами, так как этот метод позволяет учитывать возможную вариацию между испытуемыми и стимулами. Мы использовали среду программирования R [R Core Team, 2012] и пакеты lme4 [Bates, Maechler, Bolker & Walker 2015] для расчета регрессий со смешанными эффектами и пакеты multcomp [Hothorn, Bretz & Westfall 2008] для расчета множественных сравнений факторов.

Анализ данных, в частности, показывает, что глагол в несовершенном виде употребляется значимо чаще ($p < 0,05$) в придаточном предложении времени, что, по всей видимости, связано с одной из ярких особенностей Системы 3¹¹.

4. Качественная характеристика Системы 3

В этом разделе на примере сентенциальных обстоятельств мы обсудим зависимость Системы 3 от родного языка авторов-билингвов и тенденции к внутреннему упорядочиванию этой системы.

Как мы помним, специфику выражения итератива в Системе 1 определяет наличие специальных глагольных маркеров, принципиально отличающихся от глагольных средств Системы 2. Казалось бы, в таких условиях возможности для возникновения интерференции минимальны. Тем не менее влияние родного языка имеет свои проявления.

Так, заслуживает внимания препозиция придаточных времени в составе сложноподчиненных предложений. Действительно, в казахском языке такой порядок следования частей сложноподчиненного предложения является доминирующим [Сауранбаев 1958: 116]. В Системе 3 этот порядок предикативных частей (сначала придаточная часть, а затем главная) также широко распространен. В общей сложности количество зависимых предикатов в препозиции в составе сложноподчиненных предложений составляет 86,6% (130 из 150). Ср. типичный пример, нормативный с точки зрения русского языка, но отражающий указанную тенденцию:

(16) *Когда мы болеем, она поит нас как будто волшебным чаем и лечебным вареньем.*

Поскольку в казахском (Системе 1) есть специальный послелог *сайын* ('каждый раз'), маркирующий повторение ситуаций, распространенное в Системе 3 употребление *каждый раз* в придаточном в препозиции также можно связывать с влиянием родного языка:

(17) *Каждый раз когда она звонит у нее дрожит голос.*

Примеры, подобные (17), также не нарушают норм русского языка, из 150 корпусных высказываний, включенных в нашу выборку, в девяти используется *каждый раз* и в одном случае — *всякий раз* (итого 10–6,7%).

Закрепленность зависимой части сложноподчиненного предложения в препозиции обуславливает еще одну интересную и весьма регулярную особенность Системы 3. Если в Системе 2 в составе сложного предложения основным показателем повторения описываемой ситуации должен быть *главный* предикат в НСВ (см. раздел 2), то в Системе 3 функция выражения итератива принадлежит *первому* предикату — а это, как мы только что установили, по преимуществу предикат *зависимой* клаузы (ср. результаты эксперимента). В этом плане Система 3 входит

---

¹¹ Мы благодарим В. Д. Магомедову за помощь в статистической обработке данных.

в противоречие и с Системой 1, где итеративность, как и в русском, тоже выражается *главным* (и всегда постпозитивным) предикатом (см. раздел 1).

Корпусные данные о Системе 3 свидетельствуют, что глаголы НСВ в зависимой части сложного предложения встречаются в 91,5% случаев (119 из 130). Ср. характерный пример:

(18) *Когда **приходит** мой кузен, я обязательно **посижу** с ним...*

Предложение (18) интересно не только тем, что в начинающей его придаточной части употребляется глагол НСВ, но и тем, что в главной части вместо обязательного для Системы 2 глагола НСВ используется глагол СВ.

Получается, что предложения, подобные (18) (в таблице 4 их 10%, по RLC), вместе с теми случаями, где наблюдается дублирование НСВ в главной и зависимой клаузах, иллюстрируют обнаруженную закономерность Системы 3.

Помимо интерференции на формирование Системы 3 могут оказывать влияние и другие процессы. Действительно, наблюдения за многочисленными видовыми отклонениями в речи билингов, когда вместо ожидаемого глагола НСВ используется глагол СВ, позволяют выявить тенденции к внутреннему упорядочению и упрощению Системы 3.

С этой точки зрения выбор формы перфектива часто оказывается проще для казахского билинга и «выгоднее» для Системы 3.

Во-первых, выбор перфектива позволяет избежать морфонологических чередований, обусловленных присоединением суффиксов:

(19) *Я лично **встретила** (=встречала) таких людей много раз.*

(20) *То есть не она, а мы заставляем её **перекрасить** (=перекрашивать) волосы.*

Во-вторых, приставочные перфективы в речи билингов могут успешно замещать вторичные имперфективы, более сложные по своей морфемной структуре. При этом игнорируется то, что главная функция вторичных имперфективов состоит именно в выражении повторяемости действия [РГ 1980: 607; Петрухина 1990; Кронгауз 1997: 153] и др.:

(21) *Когда она **заболеет** (=заболеает) мы все волнуемся за ее здоровье.*

Однако, помимо формального упрощения, наблюдаемого в (21)–(23), упрощение может проявляться и на семантическом уровне. О «семантическом упрощении» можно говорить в связи с тем, что приставочные перфективы в Системе 3 в определенных условиях могут акцентировать дополнительные значения приставок (делимитативности, аттенуативности, начинательности и др.), игнорируя видовое значение, как в (22)–(23). В этих примерах приставочные предикаты связаны сочинительной связью с глаголами НСВ, уже передающими итеративный смысл, который поэтому накладывается и на перфектив. В таком случае выбор формы подчинен исключительно дополнительной семантике:

(22) *Я сажусь обедать и с мамой **поболтаю**.*

- (23) Она меня всегда баловала, **приласкала** (айналайын, құлынишағым, ботам) и умела играть вместе с нами.

Подводя итоги этого раздела, мы можем сказать, что Система 3 в выражении итератива с помощью сентенциальных обстоятельств действительно подвержена влиянию Системы 1 (казахской). Это влияние не всегда прямое — мы видели сложные случаи интерференции, как например, выделение первого предиката сложного предложения как носителя итеративности вместо главного. По нашему мнению, они объясняются общими тенденциями к упрощению и редукции правил в Системе 3, которые, как мы видели, действуют и за пределами зоны интерференции.

Впрочем, предпосылки к упрощению Системы 2 (стандартной русской) могут быть заложены и в ней самой. Некоторые такие случаи мы рассмотрим в следующем разделе.

5. Система 3 как результат вариативности Системы 2

Продолжая сравнение Системы 3 с Системой 2 (русским языком монолингвов), обратим внимание, что первая отражает и в определенной степени выявляет «точки типологической нестабильности» второй, то есть точки потенциального варьирования и изменения. В них Система 2 может реализовывать свою альтернативу, причем как в контактном взаимодействии с другим языком (ср. прямое взаимодействие русского и казахского в нашем случае), так и в процессе диахронического развития самого русского. Вариативность Системы 2 обнаруживается не в устойчивых и надежных случаях двойного маркирования итератива, а в периферийных, когда это значение выражается каким-то одним показателем — наречием или глагольной формой.

Остановимся на случаях наречного маркирования.

5.1. Всегда и часто

Главное правило, которое регулирует сочетаемость обстоятельственных показателей итеративности с глаголами СВ в русском языке, следующее: итеративные наречия *всегда*, *иногда*, *редко* могут сочетаться с формой будущего времени СВ, но не прошедшего [Милославский 1981: 179; Богданов, Евтюхин, Князев и др. 2009: 347–348]¹², как в (24)–(25):

- (24) *Что важно, ведь у живой природы нет “единых схем”, всегда найдутся / *нашлись исключения, варианты, парадоксальные и почти невозможные комбинации.* [Кирилл Ефремов. Размышления у книжной полки: Бегство от одиночества (2003)]

¹² Заметим, что сочетаемость этих наречий с глаголами НСВ тоже не свободна: по [Падучева 2010: 139], они сочетаются «с деятельностью, процессами и временными состояниями, которые обладают свойством прерывности (т. е. могут прекращаться и возобновляться)», но не с устойчивыми состояниями.

- (25) *Впрочем, яркий штрих **иногда** тоже **не повредит** / ***не повредил*** [«Домовой» (2002)]

Это ограничение плохо предсказуемо — неудивительно, что сразу в двух примерах (26)–(27), взятых из казахского подкорпуса, где диагностирована «ошибка», наблюдается нарушение именно этого правила:

- (26) *Она нас **всегда заставила*** (вместо: *заставляла*) *работать, убираться в доме, во дворе, мыть посуду и др.*
- (27) *Так же Бабушка Чокана Валиханова — Айганым тоже **всегда направила*** (вместо: *направляла*) *на правильный путь Чокана.*

Можно ожидать, что и в самом русском такое распределение будет где-то нарушаться. И действительно, семантически к группе итеративных примыкает наречие *часто*, так что ожидалось бы, что оно целиком подпадет под общее правило., ср. пример (28) с глаголом в СВ в будущем времени, где *часто* еще и выступает как синоним *всегда*:

- (28) *Не **всегда, не часто встретишь** / ***встретил** такое лицо.* [М. А. Булгаков. Полотенце с петухом (1926)]

Между тем сам выбор СВ / НСВ для обстоятельств со значением итеративности, и в их числе *часто*, бесспорно, является точкой потенциальной вариативности системы — так что наряду с (28) встречаются и примеры типа (29), с СВ и прошедшим временем:

- (29) *Старик смотрел долго и внимательно, будто не доверяя глазам, потом остановился на полувдохе и **часто заморгал**.* [А. Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы (2013)]

В принципе, появление таких примеров объяснимо: *часто* имеет свойства, которые отличают его от остальной группы наречий-итеративов. В отличие от них, оно способно иметь и широкую, и узкую сферы действия [Богуславский 1996; Филипенко 1998], то есть умножать не только ситуацию в целом (широкая сфера), но и отдельные фрагменты внутри нее (узкая). Так, в (29) речь идет не о том, что часто случалось, чтобы старик начинал моргать (широкая сфера действия *часто*), а о том, что когда он заморгал, движений век в единицу времени было больше, чем можно было ожидать, то есть что внутри единичной ситуации 'заморгать' все происходило быстро и без перерывов.

Таким образом, в силу смены сферы действия, глагольное значение множественности ситуации здесь фактически исчезает. Та же коллизия в контексте *часто* возникает и с другими мультипликативными предикатами, которые сами по себе обозначают начало последовательности единичных действий, ср.: *часто закивал, замахал, застучал* и проч.

Однако другое предложение с наречием *часто* — (30), реальный пример из RLC, — хотя и разрешает только одну сферу действия и никак не нарушает

общего правила допустимости СВ в непрошедшем времени глагола, но все равно оказывается грамматически некорректным:

(30) *Мы с семьей вечером часто погуляем по горам.*

Формально высказывание (30) непротиворечиво: ограниченный во времени промежуток, заполненный семейным гулянием, может воспроизводиться регулярно. Однако фактически, с точки зрения русской грамматики, выразить такой смысл оказывается невозможно, причем, видимо, уже по прагматическим причинам: два таких «сильных», «рематических» смысла, как делимитативность и итеративность, не могут сочетаться в одном предложении.

Как видим, сложность и слабая предсказуемость правил выбора нужной формы указывает на нестабильность системы в данной точке и является очевидным источником неустрашимого конфликта между Системами 2 и 3.

Заметим, что и в истории русского языка стратегия кодирования итератива в этой точке менялась, будучи связана с эволюцией категории глагольного вида [Маслов 1984: 102–110]. Ср. примеры (31)–(33):

(31) *и се бо и азъ грѣшныи много и часто Бѣ прогнѣваю и часто согрѣшаю по всѣ дни* [Суздальская летопись].

(32) *Безумнии бо всегда врагы своя немощны наричют; аз же всегда и прежде врага боюся.* [Стефанит и Ихнилат (1300–1500)].

(33) *Почитай же книги часто, да имаши неразумныя научати.* [ростовский и ярославский епископ Феодосий Бывальцев. Формулярный извод поучения пресвитеру и обращения [ростовского и ярославского] архиепископа [Феодосия Бывальцева к ежегодно созываемому в неделю православия собору епархиальных священников] (1454)]

Похожая картина до сих пор сохраняется в нескольких современных славянских языках: «... такое употребление СВ широко распространено и стилистически нейтрально в чешском, словацком, лужицком и словенском языках» [Князев 1989: 141], см. также [Исаченко 2003: 453; Бондарко 1971: 216–217].

5.2. Утром как ‘по утрам’

Обратная ситуация, когда глагол НСВ как маркер итератива сочетается с наречием однократной временной локализации — *вечером / днем / ночью / утром* — тоже заслуживает внимания. Эти наречия могут выступать и в качестве однократных, и в качестве циклических¹³, со значением «обстоятельств, свидетельствующих о привычках субъекта» [Долиннина 1996: 233]¹⁴.

¹³ К сожалению, такая многозначность наречий не фиксируется в толковых словарях (ср., например, [МАС]).

¹⁴ В то же время в русском языке есть целый ряд собственно циклических наречий и наречных конструкций со своими особенностями, ср.: *ежедневно, по утрам, ночами*.

Интересно проследить, как происходит совмещение семантики наречий и глаголов НСВ. В итеративном контексте наречия типа *утром* могут быть своего рода диагностиками, выявляя степень, в которой те или иные глаголы НСВ склонны обозначать повторяющееся действие без контекстуальной поддержки.

Надо сказать, что дублирование маркеров отнюдь не случайно является главной стратегией выражения итератива. В русском языке НСВ выражает не только неограниченно-кратное, но и ряд других частных значений, так что обстоятельство-показатель вовсе не всегда является избыточным: он однозначно указывает на повторение ситуации¹⁵.

Глаголы НСВ (и их разные формы) способны выражать повторяемость действия без поддержки обстоятельства — но в разной степени. Почему-то (34) выглядит более приемлемым в итеративном контексте, чем (35):

(34) *Вечером она рассказывала разные сказки, древние истории и легенды.*

(35) *И ночью она мыла пол в фабрике.*

Причины такого «неравенства» комплексны.

Очевидно, например, что формы настоящего времени глаголов гораздо ближе к «полюсу многократности», чем глаголы прошедшего времени, ср. (36) и (37):

(36) *Ночью мышей добывает, днём в дупле отдыхает.* [Г. Алимов. Кроссворд Мурзилки (1999)]

(37) *Мать утром кормила отца, отвечала на кое-какие вопросы, смотрела на него спокойно и страшиовато.* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)]

В свою очередь, среди форм прошедшего времени к выражению итератива тяготеют формы производных имперфективов (см. раздел 4), но не формы производных глаголов НСВ:

(38) *За день я успевал проглатывать страниц по триста-четырееста, многие книги мы конспектировали и вечером устраивали их обсуждения.* [Михаил Петров. Поэт забвения // «Сибирские огни», 2012]

(39) *Утром пели петухи.* [Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 1–20 (2011)]

Наконец, для форм прошедшего времени производных глаголов НСВ с точки зрения их способности выражения итеративного значения значимым оказывается противопоставление по предельности — непредельности. Непредельные глаголы

¹⁵ Ср. следующие замечания: «...оно (неограниченно-кратное значение) значительно менее специфично для НСВ, чем процессное значение, так как в определенных условиях и СВ может выражать неограниченную повторяемость (или способность выполнить действие)» [Маслов 1984: 75]; «Хотя форма НСВ безусловно необходима для выражения в предложении итеративного значения, обычно она недостаточна, и поэтому одновременно с нею используются и другие показатели итеративности, роль которых нельзя недооценивать» [Храковский 1987: 146].

естественно интерпретируются как обозначения повторяющихся действий (40), в отличие от предельных (43):

- (40) *Утром мы работали, занимались науками до обеда.* [О.С. Минор. Это было давно... (1933)]
 (41) *Утром писала письмо, пока было еще тихо.* [Л.К. Чуковская. Полгода в «Новом мире». О Константине Симонове (1946–1947)]

Иерархия глагольных средств выражения итератива (от средств, способных выражать повторение ситуации без контекстуальной поддержки, — к средствам, требующим такой поддержки) и примеры из RLC, расположенные в порядке убывания их способности выражать итеративность, представлены на рисунке 1:

Таким образом, выбор наречия подчинен возможностям глаголов НСВ и их форм самостоятельно выражать итератив: если глагол однозначно указывает на многократность, то он может сочетаться с обстоятельством времени (типа *утром*), в противном случае итеративное значение усиливается обстоятельством цикличности типа *по утрам*.

Получается, что билингву, как и любому говорящему на русском языке, недостаточно просто знать, что глагол НСВ способен служить средством выражения итератива, но важно учитывать «ступенчатый» характер правила, регулирующего использование глагола НСВ без сопутствующего наречия цикличности. Если вернуться к примерам (34)–(35), то можно заметить, что в примере (34), содержащем производный имперфектив, вполне корректно обозначена повторяющаяся ситуация. Напротив, в примере (35) предельный непроизводный глагол НСВ *мыть* требует усиленной обстоятельственной поддержки с помощью всегда циклического *по ночам*, чтобы однозначно описывать повтор ситуации.

Рисунок 1

6. Заключение

На примере итеративного значения в текстах казахско-русских билингов мы показали, насколько сложно устроена система их русского языка, условно обозначенная как Система 3.

Мы проследили в ней эффекты, обусловленные влиянием родного языка билингов — казахского. Это влияние сказывается, в частности, на порядке следования клауз сложных предложений: именно в соответствии с правилами родного языка билингвы, например, сохраняют препозицию зависимой клаузы.

Вместе с тем, мы видели, что своеобразие Системы 3 не исчерпывается влиянием казахского. Как и всякая языковая система, она стремится к простоте. Так, оказавшись в препозиции, зависимая клауза с временным значением концентрирует в себе семантику повторяемости: билингвы стремятся маркировать именно ее глаголами НСВ, в то время как в русском языке основным носителем итеративного значения является предикат главной части.

Тенденция к упорядоченности и упрощению затрагивает и другие уровни Системы 3. Предпочтение глаголам СВ вместо семантически итеративных НСВ объясняется морфонологической и морфемной «простотой» перфективов или специальным акцентом на добавочных значениях, свойственным глагольным приставкам — это приводит к игнорированию необходимой для итеративов в стандартном русском видовой семантики русских глаголов.

Без упрощений освоить стандартную систему практически невозможно: во многих случаях (и это, как мы показали, в полной мере относится к итеративности) правила предполагают такое сложное распределение маркеров, что отклонения от них и вариативность возникает внутри самого русского. Это особенно хорошо видно на примере наречий с итеративным компонентом значения — *часто, иногда, всегда*, а также *утром, вечером, ночью*. Нарушая эти правила и преодолевая ограничения, билингвы невольно «диагностируют» границы стабильности в данной грамматической зоне русского языка.

Синхронно нестабильные зоны должны быть особенно подвержены историческим изменениям. В целом они регулируются теми же естественными стратегиями упорядочивания и упрощения, что и Система 3. Поэтому, как мы видели, в каких-то своих проявлениях Система 3, может сближаться с более ранними стадиями развития (ср. сочетания наречий с глаголами СВ). С этой точки зрения речь билингов приобретает значимость не только как результат контактов и интерференции конкретных языков, но и как ключ к общим закономерностям, регулирующим изменчивость естественного языка в целом.

Список литературы

Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. Аспектуально-таксисные ситуации, нелокализованные во времени (кратный таксис) // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 288–294.

Ахметжанова З. К. Функционально-семантические поля русского и казахского языков // Сопоставительное языкознание: казахский и русский языки. Алматы: КазУМО и МЯ, 2005. С. 121–188.

Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации). М.: Наука, 1979. 275 с.

Богданов С. И., Евтюхин В. Б., Князев Ю. П. и др. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений РФ. С-Пб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 2009. 634 с.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.

Выренкова А. С., Полинская М. С., Рахилина Е. В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. №3. С. 3–19.

Долинина И. Б. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности») // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1996. С. 219–245.

Жолшаева М. Аспектуальдылық функционалды-семантикалық өрісі // Жұмсалымды грамматика / ред. С. Құлманов. Алматы: Мемлекеттік тілді дамыту институты, 2016. Б. 109–161.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. I-II. Изд. 2. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.

Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Рассадин В. И. Выражение множественности ситуаций в тюркских языках // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 110–122.

ҚГ. Қазақ грамматикасы. Фонетика, сөзжасам, морфология, синтаксис / ред. Е. Жанпейісов. Астана: Астана полиграфия, 2002. 784 б.

Князев Ю. П. Выражение повторяемости действия в русском и других славянских языках // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 132–144.

Кронгауз М. А. Глагольная приставка, или координата времени // Логический анализ языка. Язык и время / ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 152–157.

Ладыгина А., Рахилина Е. В. Русские конструкции со значением чередования ситуаций // Язык: поиски, факты, гипотезы: сб. ст. к 100-летию со дня рождения академика Н. Ю. Шведовой. М.: ООО «ЛЕКСРУС», 2016. С. 320–336.

Маманов И. Е. Вспомогательные глаголы в казахском языке. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1949. 98 с.

МАС. Словарь русского языка: в 4-х т. / под. ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988.

Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 264 с.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 254 с.

Оралбаева Н. Қазақ тіліндегі етістіктің аналитикалық форманттарының құрылысы мен мағынасы. Алматы: Ғылым, 1979. 195 б.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.

Петрухина Е. В. К вопросу о конкуренции первичных и вторичных имперфективов в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 1990. № 4. С. 82–87.

Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. Изд. 2, испр. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 384 с.

Рахилина Е. В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / гл. ред. В. А. Плунгян. СПб.: Алетей, 2014. С. 87–95.

Рахилина Е. В., Казкенова А. К. Заметки о русском числе // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 3. С. 605–627.

РГ. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Наука, 1980. 792 с.

Сауранбаев Н. Т. Основные способы связи составных частей в сложноподчиненном предложении // Вопросы грамматики тюркских языков: Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках, состоявшегося 24–27 сент. 1956 г. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. С. 109–128.

ТИК. Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. 312 с.

Филипенко М. В. Об адвербиалах с плавающей и фиксированной сферой действия (к вопросу об актантах и не-актантах предиката) // Семиотика и информатика. 36. М.: Языки русской культуры: Русские словари, 1998. С. 120–140.

Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 124–152.

Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.

Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.

Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения: дис. ... канд. филол. наук. МГУ. М., 2005. 372 с.

Шлуинский А. Б. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 46–75.

Bates D., Maechler M., Bolker B., Walker S. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // Journal of Statistical Software, 2015, 67(1). P. 1–48.

Cabredo Hofherr P., Laca B. (eds.). Verbal Plurality and Distributivity. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. 225 p.

Cusic D. Verbal plurality and aspect: Doctoral dissertation, University of Standford, Standford, CA, 1981.

Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. Oxford: Basil Blackwell, 1985. 213 p.

Dressler W. Studien zur verbalen Pluralität. Wien: Hermann Böhlau, 1968. 253 s.

Hothorn T., Bretz F., Westfall P. (2008). Simultaneous Inference in Genera Parametric Models // Biometrical Journal, 2008, 50(3). P. 346–363.

Johanson L. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Studia Turcica Upsaliensia 1. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1971. 334 s.

Mattiola S. Typology of pluractional constructions in the languages of the world: Doctoral dissertation, Università degli Studi di Bergamo/Università degli Studi di Pavia, Bergamo — Pavia, 2017.

Mattiola S. Pluractional conceptual space: three case studies and their typological relevance // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2018, 14(2). P. 517–553.

Wood E. The semantic typology of pluractionality: Doctoral dissertation, University of California, Berkeley, CA, 2007.

Электронные ресурсы

КЯ — Казахский язык. Просто о сложном [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kaz-tili.kz/index.htm>

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

ACKL — Almaty Corpus of Kazakh language [Электронный ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/KazakhCorpus>

Microsoft Word — `fasl26_completely_revised.docx`

R Development Core Team. 2013. R: A Language and Environment for Statistical Computing. Vienna, Austria. [Electronic resource]. URL: <http://www.R-project.org>.

RLC — Русский учебный корпус [Электронный ресурс]. URL: <http://www.web-corpora.net/RLC>

Условные обозначения

НСВ — несовершенный вид, СВ — совершенный вид, 1 — 1-ое лицо, 2 — 2-е лицо, 3 — 3-е лицо, ABL — исходный падеж, ADJ — имя прилагательное, ACC — винительный падеж, AUX — вспомогательный глагол, CAUS — понудительный залог, COM — совместный падеж, CVB — деепричастие, DAT — датель-но-направительный падеж, GEN — родительный падеж, LOC — местный падеж, ITER — итератив, NEG — отрицание, PL — множественное число, POSS — притяжательность, PRS — настоящее (в нашем случае — настоящее переходное) время, PST — прошедшее время, PST.HAB — повторяющееся (переходное) прошедшее время, PTCP — причастие, REFL — возвратный залог, SG — единственное число.

Ekaterina V. Rakhilina¹ & Aimgul K. Kazkenova²

¹*National Research University Higher School of Economics;*

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000, Russia;

Volkhonka str., 18/2, Moscow, 119019, Russia

rakhilina@gmail.com

Eurasian Technological University

109B, Tole bi str., Almaty, 050012, Kazakhstan

aimgul.kazkenova@mail.ru

MARKING OF ITERATIVE IN RUSSIAN SPEECH OF KAZAKH SPEAKERS

The paper is focused on how Russian written texts of Kazakh speakers deal with iterative meanings (those describing regularly repeated events). The results are based on Kazakh sub-corpus of Russian Learner Corpus (RLC) and on a series of interviews with bilingual speakers.

The system of iterative constructions found in the RLC texts is compared with the standard Kazakh and Russian systems which may serve as a base for the authors of these texts. The standard systems are considered to be represented in Almaty Corpus of Kazakh Language [<http://web-corpora.net/KazakhCorpus>] and Russian National Corpus [<http://ruscorpora.ru>], respectively.

Both Kazakh and Russian express repeated events with the help of a special verbal marking (like imperfective aspect in Russian, or biverbal construction in Kazakh) supplemented by an adverbial as part of the same construction (adverb, converb or temporal clause). Each language chooses its own way to avoid double marking of this kind.

Bilinguals tend to overcome the restrictions imposed by standard systems and systematically create new principles of iterative marking. Interference and simplification of standard rules are factors which form an “intermediate” system used by Kazakh bilinguals within the loci of possible variation.

Our findings indirectly contribute also to revealing some problematic fragments of the system of iterative expressions in Russian, where variation and instability are most conspicuous.

Keywords: iterative, interference, Kazakh, Russian, bilingualism, Russian Learner Corpus.

References

Akhmetzhanova Z.K. Funktsional'no-semanticheskie polya russkogo i kazakhskogo yazykov [Functional-semantic fields of Russian and Kazakh languages]. *Sopostavitel'noe yazykoznanie: kazakhskii i russkii yazyki* [Comparative Linguistics: Kazakh and Russian]. Almaty: Univ. of International Relations and World Languages Publ., 2005, pp. 121–188. (In Russ.)

Akimova T.G., Kozintseva N.A. Aspektual'no-taksisnye situatsii, nelokalizovannyye vo vremeni (kratnyi taksis) [Aspect-taxis situations not localized in time (multiple taxis)]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of functional grammar. Introduction. Aspect. Temporary localization. Taxis]. Leningrad: Nauka Publ., 1987, pp. 288–294. (In Russ.)

Baskakov N.A. *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya tyurkskikh yazykov (struktura slova i mekhanizm agglyutinatsii)* [Historical and typological morphology of Turkic languages (word structure and agglutination mechanism)]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 275 p.

Bates D., Maechler M., Bolker B., Walker S. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // *Journal of Statistical Software*, 2015, 67(1), pp. 1–48.

Bogdanov S.I., Evtukhin V.B., Knyazev Yu. P. et al. *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka* [The morphology of the modern Russian language]. St. Petersburg: St. Petersburg St. Univ. Publ., 2009. 634 p.

Boguslavskii I.M. *Sfera deistviya leksicheskikh edinit* [The scope of lexical units] Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. 464 s.

Bondarko A.V. *Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)* [Aspect and tense of the Russian verb (meaning and usage)]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1971. 239 p.

Cabredo Hofherr P., Laca B. (eds.). *Verbal Plurality and Distributivity*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. 225 p.

Cusic D. Verbal plurality and aspect: Doctoral dissertation, University of Standford, Standford, CA, 1981.

Dahl Ö. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Basil Blackwell, 1985. 213 p.

Dolinina I.B. Kolichestvennost' v sfere predikatov (kategoriya «glagol'noi mnozhestvennosti») [Quantitativity in the field of predicates (the category of “verbal plurality”)]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [Theory of functional grammar. Qualitativity. Quantitativity]. Leningrad: Nauka Publ., 1996, pp. 219–245. (In Russ.)

Dressler W. *Studien zur verbalen Pluralität*. Wien: Hermann Böhlau, 1968. 253 s.

Evgen'eva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1985–1988.

Filipenko M.V. Ob adverbialakh s plavayushchei i fiksirovannoi sferoi deistviya (k voprosu ob aktantakh i ne-aktantakh predikata) [On Adverbials with floating and fixed scope (on the issue of actants and non-actants of the predicate)]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics]. 36. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury: Russkie slovari Publ., 1998, pp. 120–140. (In Russ.)

Hothorn T., Bretz F., Westfall P. Simultaneous Inference in Genera Parametric Models // *Biometrical Journal*, 2008, 50(3), pp. 346–363.

Isachenko A.V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya*. [The grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak. Morphology] I-II. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 880 p.

Iskhakova Kh. F., Nasilov D.M., Rassadin V.I. Vyrashenie mnozhestvennosti situatsii v tyurkskikh yazykakh [The expression of the multiplicity of the situation in the Turkic languages]. *Tipologiya iterativnykh konstruksii* [Typology of iterative constructions]. Leningrad: Nauka Publ., 1989, pp. 110–122. (In Russ.)

Johanson L. *Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems*. Studia Turcica Upsaliensia 1. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1971. 334 s.

Khrakovskii V.S. (ed.) *Tipologiya iterativnykh konstruksii* [Typology of iterative constructions]. Leningrad: Nauka Publ., 1989. 312 p.

Khrakovskii V. S. Semanticheskie tipy mnozhestva situatsii i ikh estestvennaya klassifikatsiya [Semantic types of the plurality of situations and their natural classification]. *Tipologiya iterativnykh konstruksii* [Typology of iterative constructions]. Leningrad: Nauka Publ., 1989, pp. 5–53.

Khrakovskii V. S. Kratnost' [Multiplicity]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of functional grammar. Introduction. Aspect. Temporary localization. Taxis]. Leningrad: Nauka Publ., 1987, pp. 5–53. (In Russ.)

Knyazev Yu. P. Vyrazhenie povtoryaemosti deistviya v russkom i drugikh slavyanskikh yazykakh [The expression of the repetitive actions in Russian and other Slavic languages]. *Tipologiya iterativnykh konstruksii* [Typology of iterative constructions]. Leningrad: Nauka Publ., 1989, pp. 132–144. (In Russ.)

Krongauz M. A. Glagol'naya pristavka, ili koordinata vremeni [Verbal prefix, or time coordinate]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical analysis of the language. Language and time]. Moscow: Indrik Publ., 1997, pp. 152–157. (In Russ.)

Ladygina A., Rakhilina E. V. Russkie konstruksii so znacheniem cheredovaniya situatsii [Russian constructions with the meaning of the alternation of the situation]. *Yazyk: poiski, fakty, gipotezy* [Language: searches, facts, hypotheses]. Moscow: OOO "LEKSRUS" Publ., 2016, pp. 320–336. (In Russ.)

Mamanov I. E. *Vspomogatel'nye glagoly v kazakhskom yazyke* [Auxiliary verbs in Kazakh]. Almaty: AN KazSSR Publ., 1949. 98 p.

Maslov Yu. S. *Ocherki po aspektologii* [Essays on Aspectology]. Leningrad: Leningrad St. Univ. Publ., 1984. 264 p.

Mattiola S. Typology of pluractional constructions in the languages of the world: Doctoral dissertation, Università degli Studi di Bergamo/Università degli Studi di Pavia, Bergamo — Pavia, 2017.

Mattiola S. Pluractional conceptual space: three case studies and their typological relevance // *Acta Linguistica Petropolitana*, 2018, 14(2), pp. 517–553.

Miloslavskii I. G. *Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo yazyka* [Morphological categories of the modern Russian language]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1981. 254 p.

Oralbaeva N. *Qazaq tilindegi etistiklin analitikalyq formanttarynyn qurylysy men magynasy* [Composition and meaning of analytical verbal formants in Kazakh]. Almaty: Gylym Publ., 1979. 195 p.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa*. [Semantic research: Semantics of time and aspect in Russian; The semantics of narrative.]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2010. 480 p.

Petrukhina E. V. K voprosu o konkurentsii pervichnykh i vtovichnykh imperfektivov v sovremennom russkom yazyke [On the issue of competition of primary and secondary imperfective verbs in the modern Russian language]. *Russkii yazyk za rubezhom*. 1990. №4, pp. 82–87. (In Russ.)

Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to the problematics]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2003. 384 p.

Rakhilina E. V. Grammatika oshibok: v poiskakh konstant [Grammar of errors: in the search for constants]. Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika [Language. Constants. Variables. In memory of Alexander E. Kibrik]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2014, pp. 87–95. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Kazkenova A. K. Zametki o russkom chisle [Notes on Russian Number]. *Vestnik RUDN. Ser. Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics]. 2018. T.22. №3, pp. 605–627. (In Russ.)

Sauranbaev N. T. Osnovnye sposoby svyazi sostavnykh chastei v slozhnopodchinenom predlozhenii [The main ways of connecting components in complex sentences]. *Voprosy grammatiki tyurkskikh yazykov* [Grammar questions of Turkic languages]. Almaty: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 1958, pp. 109–128. (In Russ.)

Shelyakin M. A. *Funktional'naya grammatika russkogo yazyka* [Functional grammar of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk Publ., 2001. 288 p.

Shluinskii A. B. Tipologiya predikatnoi mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektual'nye znacheniya. Dis... kand. filol. nauk [Typology of predicate plurality: quantitative aspectual meanings. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 372 p.

Shluinskii A. B. K tipologii predikatnoi mnozhestvennosti: organizatsiya semanticheskoi zony [On the typology of predicate plurality: organization of the semantic zone]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2006. №1, pp. 46–75. (In Russ.)

Shvedova, N. Yu. (ed.) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow: Nauka, 1980. 792 p.

Vyrenkova A. S., Polinskaya M. S., Rakhilina E. V. Grammatika oshibok i grammatika konstruksii: «eritazhnyi» («unasledovannyi») russkii yazyk [Grammar of errors and Construction Grammar: The case of «heritage Russian»]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2014. №3, pp. 3–19. (In Russ.)

Wood E. The semantic typology of pluractionality: Doctoral dissertation, University of California, Berkeley, CA, 2007.

Zhanpeiisov E. (ed.) *Qazaq grammatikasy. Fonetika, sozhasam, morfologiya, sintaksis* (Kazakh grammar. Phonetics, word formation, morphology, syntax). Astana: Astana poligrafya. Publ., 2002. 784 p.

Zholshaeva M. Aspektualdylyq funktsionaldy-semantikalyq orisi [Functional-semantic field of aspectuality]. *Zhumsalymdy grammatika* [Functional grammar]. Almaty: Memlekettik tildi damyту instituty Publ., 2016, pp. 109–161. (In Kazakh)

Electronic resources

Almaty Corpus of Kazakh Language [Electronic resource]. URL: <http://web-corpora.net/KazakhCorpus>

Kazakh language [Electronic resource]. URL: <http://www.kaz-tili.kz/index.htm>

Microsoft Word — fasl26_completely_revised.docx

R Development Core Team. 2013. R: A Language and Environment for Statistical Computing. Vienna, Austria. [Electronic resource]. URL: <http://www.R-project.org>.

Russian Learner Corpus [Electronic resource]. URL: <http://www.web-corpora.net/RLC>

Russian National Corpus [Electronic resource]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>